

Взаимосвязь взрослой и детской бедности с психологическими характеристиками личности

М.В. ЕФРЕМОВА*,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
mefremova@hse.ru

О.В. ПОЛУЭКТОВА**,
Университет Якобса, Бремен, Германия,
olga_poluektova@hotmail.com

В данной статье рассматривается взаимосвязь низкого социально-экономического статуса в детстве и во взрослом возрасте с психологическими характеристиками личности, такими как ценности, самооффективность, самооценка, психологическое благополучие и доверие. Оцениваются эффекты взаимодействия детского и взрослого социально-экономического статуса на психологические показатели. В исследовании приняли участие бедные — люди, имеющие доход ниже прожиточного минимума (N=162, возраст M=41, 39,5% — женщины), и небедные (N=188, возраст M=34, 58,5% — женщины). Измерение детского социально-экономического статуса производилось по ретроспективной оценке. Результаты показали, что ценности личности и самооценка различаются в зависимости от взрослого социально-экономического статуса. Выявлена взаимосвязь взрослого и детского социально-экономического статуса с удовлетворенностью жизнью и доверием. Взрослый социально-экономический статус связан с доверием только в группе респондентов, не имеющих низкого социально-экономического статуса в детстве. Удовлетворенность жизнью и доверие тех, кто имел низкий социально-экономический статус в детстве, ниже, чем у тех, кто не испытывал бедность никогда.

Ключевые слова: *взрослый социально-экономический статус, детский социально-экономический статус, детская бедность, самооффективность, самооценка, удовлетворенность жизнью, индивидуальные ценности, доверие.*

Для цитаты:

Ефремова М.В., Полуэктова О.В. Взаимосвязь взрослой и детской бедности с психологическими характеристиками личности // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 118–136. doi:10.17759/sps.2019100308

* *Ефремова Мария Викторовна* — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, *mefremova@hse.ru*

** *Полуэктова Ольга Владимировна* — аспирант, Бременская международная высшая школа социальных наук (BIGSSS), Университет Якобса, Бремен, Германия, *olga_poluektova@hotmail.com*

Введение

Проблема бедности в современном научном и общественном дискурсе относится к числу наиболее актуальных и развивающихся областей исследований. В настоящее время отечественными социологами активно изучается феномен бедности и неравенства. Комплексные характеристики категории бедных разработаны благодаря современным работам по категоризации бедных как социальной группы [12], рассматривающим различные факторы и формы бедности [10; 13]. Также анализируются социальные представления о бедности и богатстве [1; 2], причины и портрет бедности в современном российском самосознании [4]. Помимо социально-демографического портрета бедности, авторы также изучают психологические особенности людей, пребывающих в бедности. Так, рассмотрены ценностно-нормативные системы бедных и их представления о морали [3], особенности самоконцепции различных категорий бедных, субъективное экономическое благополучие [15], формы атрибуции ответственности за бедность [6].

Исследования в области социологии бедности подчеркивают, что необходимо принимать во внимание продолжительность пребывания в бедности. Основываясь на показателях бедности по доходам и по лишениям (депривационный подход П. Таузенда), выделяют ситуационную, плавающую, хроническую и многопоколенную бедность [13]. Проанализированы последствия каждого типа бедности. Так, например, ситуационная бедность непродолжительна и быстро компенсируется без ущерба для социально-экономического положения человека в обществе, в то время как хроническая

бедность (пребывание в бедности более 4 лет) оказывает негативное влияние как на объективное экономическое положение человека, так и на его образ жизни, круг общения, поведение, систему ценностей [11; 13; 14].

В этой связи важно упомянуть детскую бедность, исследования которой активно развиваются за рубежом [22; 29; 30; 31], и в недавнее время она стала привлекать интерес отечественных исследователей [5; 7]. Несмотря на сложность операционализации данного феномена, исследователи подчеркивают необходимость научного осмысления и разработки методологических оснований для изучения детской бедности, что будет способствовать нахождению способов искоренения данного явления [5].

Пристальное внимание исследователей к проблеме детской бедности объясняется серьезностью ее негативных последствий для личности и общества в целом. Согласно статистическим данным, в России 60% семей с детьми по уровню дохода находятся ниже прожиточного уровня [9]. Зарубежные исследования в рамках психологии развития [22; 29], а также поведенческой экономики [19] свидетельствуют о значимом влиянии детского социально-экономического статуса и материальных условий семьи в период взросления на личность и ее поведение во взрослом возрасте. Так, согласно исследованию В. Гришкевичиуса и коллег [31], люди, имеющие низкий социально-экономический статус в детстве (измеряемый ретроспективно), более склонны к риску и импульсивны в неблагоприятных условиях, чем те, кто вырос в семьях с более высоким социально-экономическим статусом.

Несмотря на то, что проведенные исследования подтверждают наличие систематического влияния бедности на личность [33; 40], психологические показатели бедных и способы формирования выборов (в которые включаются «абсолютно бедные» и «относительно бедные») оказываются весьма разрозненными. Также психологические исследования профилей бедных в целом редко включают широкий набор психологических характеристик. Так, в исследованиях внимание уделялось влиянию социально-экономического статуса на доверие [32], ценности и убеждения, связанные с бедностью [3; 13], саморегуляцию [38], уровень благосостояния [15; 33], но в комплексе эффекты бедности, особенно пережитой в детском возрасте, не рассматривались. Опираясь на прошлые исследования по проблеме, нами был проведен теоретический обзор, позволивший выделить ряд основных психологических переменных, характеризующих людей, пребывающих в бедности, таких как индивидуальные ценности, самооффективность, доверие, удовлетворенность жизнью, самооценка. Эти характеристики были рассмотрены в данной работе [41].

Учитывая дефицит работ, рассматривающих роль детского статуса, в данном исследовании мы планируем выявить взаимосвязь детского и взрослого социально-экономического статуса (СЭС) с широким набором психологических характеристик личности. Данное исследование носит эксплораторный характер и ставит следующий исследовательский вопрос: Как детский и взрослый социально-экономический статус, а также их взаимодействие взаимосвязаны с психологическими характеристиками?

Обзор исследований о взаимосвязи между взрослой и детской бедностью и психологическими характеристиками личности

Бедность и психологическое благополучие. Субъективное благополучие часто используется как один из индикаторов благосостояния. Данный конструкт включает оценку различных аспектов жизни: удовлетворенность жизнью, работой и отношениями, наличие интереса и цели в жизни, здоровье [27]. Вероятно, что удовлетворенность жизнью, будучи тесно связанной с эмоциональным опытом и эмоциональной саморегуляцией [34], может быть обусловлена воздействием физических и психосоциальных стрессоров, связанных с детской бедностью [30]. Это позволяет предположить, что детский СЭС будет связан с удовлетворенностью жизнью.

Доверие и детская бедность. Большинство ученых подчеркивают, что базовая установка на доверие формируется в раннем детстве и затем выступает системным свойством, определяющим постоянные способы взаимодействия индивида с миром (К. Роджерс, Э. Эрикссон). В нашей работе мы опираемся на подход, где базовое доверие понимается как психологическое состояние, основанное на убеждении, что большинство людей являются надежными, хорошими и добрыми, действующими честно, не нанося ущерба намеренно [44].

Основываясь на исследованиях, указывающих, что базовое доверие формируется в раннем детстве и опосредовано средовыми факторами (такими как условия и качества взаимодействия с ребенком) [17; 21], а также, что доверие является ценностью, которую мы познаем на ранней стадии жизни, устойчивой

как к позитивному, так и к негативному жизненному опыту [49], мы предполагаем, что детский СЭС будет связан с уровнем базового доверия. Изменение уровня благосостояния и, соответственно, взрослый СЭС также могут быть связаны с уровнем доверия.

Бедность и индивидуальные ценности.

Индивидуальные ценности являются центральными элементами структуры личности и определяются как желаемые цели, которые мотивируют поведение человека [46]. Исследования показывают, что люди с более высоким СЭС в большей степени ценят самоактуализацию и компетентность [36; 42]. В то же время люди с более низким СЭС ценят конформность и традиции (ценности, основанные на тревоге) гораздо больше, чем те, кто обладает более высоким СЭС [45]. Вероятно, что люди с низким СЭС во взрослом возрасте будут в большей мере ориентированы на социальные ценности, в частности, ценности *Традиции*, *Конформности* и *Безопасности*, в то время как более обеспеченные люди — на ценности *Самостоятельности*, *Стимуляции* и *Достижения*.

Бедность и самооффективность.

Основным фактором, влияющим на развитие чувства самооффективности, является опыт личных достижений и успешных действий, которые отражаются в представлениях человека о своих способностях; повторяющиеся неудачи имеют обратное влияние на самооффективность [18; 19]. Другим важным фактором, влияющим на самооффективность, является положительный пример других людей [19], что скорее не свойственно среде семей с низким СЭС. Можно предположить, что самооффективность будет отрицательно связана с СЭС в детстве.

Бедность и самооценка. Психологическое благополучие тесно связано с высокой самооценкой [20]. Высокая самооценка помогает справляться со стрессом в сложных жизненных ситуациях и вырабатывать устойчивость при столкновениях с неудачами. Высокий уровень стресса — типичная характеристика бедности. Менее обеспеченным людям свойственен более низкий уровень удовлетворенности жизнью и психологического благополучия. В исследованиях М. Лири с коллегами было установлено, что чем выше уровень воспринимаемой социальной эксклюзии, тем ниже самооценка [37]. Мы предполагаем, что взрослый низкий СЭС отрицательно связан с самооценкой.

Методика исследования

Выборка и процедура. Общий объем выборки составил 350 человек, где 162 респондента — люди, находящиеся в тяжелой материальной ситуации (бедные), рекрутированные через центры помощи людям, пребывающим в бедности, и 188 человек — небедные, включая студентов. Опрос проходил в Москве и Московской области. Социально-демографические характеристики выборки представлены в табл. 1.

Из приведенной таблицы видно, что выборки бедных и небедных людей незначительно отличаются друг от друга по среднему возрасту респондента. В то же время в выборке бедных больше мужчин, меньше доля людей с высшим образованием и, естественно, значительно ниже средний доход, так как именно доход (или объективная бедность) и стал основным критерием разделения выборки на группы бедных и небедных

людей. В нашей работе для обозначения категории бедных и небедных людей во взрослом возрасте мы используем понятие «взрослый социально-экономический статус» (СЭС).

Наряду с тем, что в исследовании не контролировались объективные показатели бедности, нами было произведено сравнение средних значений по показателю уровня депривации. Так, *t*-критерий для двух независимых выборок показал, что оценки в уровне депривации были значимо выше в группе бедных ($M=3,32$, $SD=0,81$), чем в группе небедных ($M=2,03$, $SD=0,59$), $t(348)=17,02$, $p<0,001$, $d=0,67$.

Методы исследования. Исследование проводилось с помощью социально-психологического опроса. Разработанный инструментарий был предварительно адаптирован на выборке людей, пребывающих в бедности (см. [8]).

Инструментарий исследования. Индивидуальные ценности измерялись с

помощью сокращенной версии опросника «Portrait Value Questionnaire», состоящего из 14 пунктов (PVQ-R) [8; 46]. Пример: Ценность блока Самоутверждение (ресурсы) – «Для него важно быть богатым» (1 – совсем не похож на меня, 5 – очень похож на меня).

Самоэффективность измерялась с помощью обобщенной шкалы самоэффективности Generalized Self-Efficacy Scale [16]. Нами использовалась короткая версия из десяти вопросов ($\alpha=0,85$).

Самооценка была измерена с помощью шкалы самооценки Rosenberg Self-Esteem Scale [43]. Шкала состоит из десяти утверждений ($\alpha=0,88$).

Доверие было измерено с помощью шкалы General Trust Scale [50]. Шкала состоит из шести пунктов, где 1 – совсем не согласен; 5 – полностью согласен ($\alpha=0,76$).

Удовлетворенность жизнью оценивалась с помощью шкалы «Удовлетворенность жизнью» (SWLS) [26]. Шкала

Таблица 1

Социально-демографические характеристики выборки

Параметры выборки		Бедные (N=162)				Небедные (N=188)			
		N	%	Mean	SD	N	%	Mean	SD
Пол	Мужчины	98	60,5			78	41,5		
	Женщины	64	39,5			110	58,5		
Возраст	18–29 лет	19	19	41,28	11,42	29	29	34,10	13,55
	30–40 лет	53	51,5			48	48		
	41–55 лет	24	23,3			21	21		
	>55 лет	7	6,8			2	2		
Образование	Среднее	14	13,5			4	4		
	Сред. спец.	67	65,1			12	12		
	Высшее	22	21,4			84	84		
Доход	<7500	76	100	7500	.70	1	1	32000	1,36
	7500–15000		0			2	2		
	>15000		0			97	97		
Занятость			18,5				100		

состоит из пяти пунктов, где 1 — совсем не согласен; 5 — полностью согласен ($\alpha=0,87$).

Доход оценивался по одному вопросу: «Каков был ваш доход из всех источников за последний месяц?» (1 = менее 2500 рублей, 2 = 2500–7500 рублей, 3 = 7501–15000 рублей, 4 = 15001–25000 рублей, 5 = 25001–40000 рублей, 6 = 40001–60000 рублей, 7 = 60001–80000 рублей, 8 = 80001–100000 рублей, 9 = более 100000 рублей).

Депривация (в рамках деривационного подхода П. Таузенда [48]) измерялась с помощью адаптированной шкалы депривации [11], где представлены виды лишений при удовлетворении базовых потребностей из списка, включающего 9 лишений (покупка еды, одежды, лекарств, покупка необходимых вещей для дома, развлечения, приглашения и/или посещение друзей и родственников, отпуск, образовательные и медицинские услуги) (1 — никогда, 2 — редко, 3 — довольно часто, 4 — часто, 5 — очень часто).

Социально-экономический статус в детском возрасте измерялся с использованием 3 вопросов ($\alpha=0,83$) [31]. Пример: «У моей семьи обычно было достаточно денег, когда я рос» (1 — совсем не согласен, 5 — полностью согласен). В нашей работе для обозначения категории бедных и небедных людей в детстве, опираясь на прошлые исследования в данной области [31], мы используем понятие «детский социально-экономический статус» по ретроспективной оценке респондентов.

Результаты исследования были обработаны с помощью статистического пакета SPSS 20. Проведен многомерный дисперсионный анализ MANOVA и одномерный дисперсионный анализ с ковариацией ANCOVA.

Результаты исследования

Для оценки эффектов взрослого и детского социально-экономического статуса на психологические характеристики был проведен многомерный анализ с показателями взрослой и детской бедности в качестве предикторов и индивидуальных психологических характеристик в качестве зависимых переменных. Мы провели отдельные процедуры для двух наборов зависимых переменных: мотивационных (индивидуальные ценности) и когнитивных (самооценка, самооэффективность, удовлетворенность жизнью и доверие).

Так как группы бедных и небедных различаются по полу и возрасту, что потенциально могло повлиять на результаты, то мы включили пол и возраст в модель как ковариаты. Поскольку детская бедность измерялась в порядковой шкале, для включения ее в анализ мы создали категориальную переменную с тремя уровнями, используя разбивку, основанную на процентилях-группировках. Группы, которые мы получили, были следующими:

1. те, кто был бедным в детстве (между 0 и 33 процентилями, $N=92$);
2. люди со средним уровнем благосостояния (между 33 и 66 процентилями, $N=164$);
3. богатые в детстве (выше 66 перцентилей, $N=94$).

Мотивационный уровень. Результаты MANCOVA выявили значимый многомерный эффект взрослой бедности (Уилкс $\Lambda=0,69$, $F=25,69$ (6,337), $p<0,001$, $\eta^2=0,31$) и возраста (Уилкс $\Lambda=0,85$, $F=9,86$ (6, 337), $p<0,001$, $\eta^2=0,15$). Эффекты пола, детского статуса и взаимодействия между взрослым статусом и детским статусом были не значимыми. Последующий анализ (ANCOVA) показал значимый одномерный эффект взрослого СЭС на От-

крытость изменениям, Самопреодоление, а также возраста — на ценности Сохранения ($F=40,60$ (1, 342), $p<0,001$, $\eta^2=.11$) и Самоутверждения ($F=4,28$ (1, 342), $p=0,399$, $\eta^2=0,01$). Попарные сравнения показали, что средние баллы по Открытости изменениям и Самопреодолению были значительно ниже (табл. 2).

Когнитивный уровень. Результаты MANCOVA выявили значимый эффект многомерного взаимодействия взрослого и детского СЭС (Wilks' $\Lambda=.95$, $F=1.91$ (10; 676), $p=.041$, $\eta^2=.03$). Основные эффекты были значимыми для взрослого СЭС (Wilks's $\Lambda=.72$, $F=27.00$ (5, 338), $p<.001$, $\eta^2=.29$), детского СЭС (Уилкс $\Lambda=.91$, $F=3.41$ (10; 676), $p<0,001$, $\eta^2=0,05$) и возраста (Уилкс $\Lambda=0,94$, $F=4,70$ (5; 338), $p<0,001$, $\eta^2=0,07$). Мы отслеживали эти результаты с помощью двухсторонних ANCOVA, простого анализа эффектов и парных сравнений.

Одномерные эффекты взаимодействия взрослого и детского статуса были значимыми для доверия ($F=4,78$ (1, 342), $p=0,009$, $\eta^2=0,03$) (рис. 1) и удовлетворенности жизнью ($F=3,67$ (1, 342), $p=0,027$, $\eta^2=0,02$) (рис. 2). Простой анализ эффектов показал, что взрослый статус связан с доверием только в группах тех, кто не испытывал бедности в детстве, т.е. в груп-

пе со средним уровнем благосостояния в детстве ($F=15,04$ (1, 342), $p<.001$, $\eta^2=.04$), и состоятельной группе ($F=18.76$ (1, 342), $p<.001$, $\eta^2=.05$). В этих группах участников средний уровень доверия был значительно ниже у тех, кто стал бедным во взрослом возрасте. В то же время уровень доверия тех, кто был бедным в детском возрасте (имел низкий СЭС в детстве), независимо от того, остались ли они в бедности или сумели ее избежать, не различался. Кроме того, мы обнаружили, что взрослый СЭС выступает значимым предиктором удовлетворенности жизнью во всех трех группах: тех, кто был бедным в детстве ($F=6,70$ (2, 342), $p=0,010$, $\eta^2=0,02$), со средним уровнем богатства в детстве ($F=53,26$ (2, 342), $p<0,001$, $\eta^2=.14$), а также тех, кто провел детство в состоятельной семье ($F=33,28$ (2, 342), $p<0,001$, $\eta^2=0,09$). Однако эффект детского статуса на удовлетворенность жизнью был значимым только в группе небедных людей в зрелом возрасте ($F=10,90$ (2, 342), $p<0,001$, $\eta^2=0,06$). Средний уровень удовлетворенности жизнью у тех, кто имел низкий детский статус, но в последующие годы избежал бедности, был значительно ниже, чем в группах тех, кто не испытывал бедности на протяжении всей своей жизни.

Таблица 2

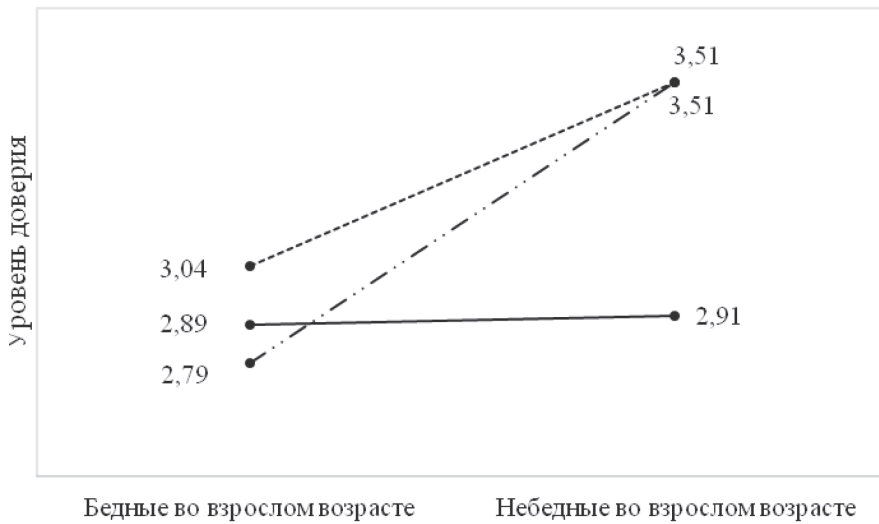
Одномерные эффекты взрослого социально-экономического статуса на психологические характеристики мотивационного уровня

	df	F	η^2	p	Mean (SD)	
					Бедные во взрослом возрасте ^a	Небедные во взрослом возрасте ^b
Открытость изменениям	1	51.05	.130	<.001	3.67(0.72)	4.22(0.45)
Самопреодоление	1	24.72	.067	<.001	3.80(0.72)	4.18(0.52)
Сохранение	1	0.28	.001	.597	3.50(0.78)	3.35(0.70)
Самоутверждение	1	1.26	.004	.262	3.17(0.73)	3.31(0.65)

Примечание. Чтобы уменьшить вероятность ошибки 1 типа, использовалась коррекция Бонферрони ($p < .05$). ^aN=162. ^bN=188

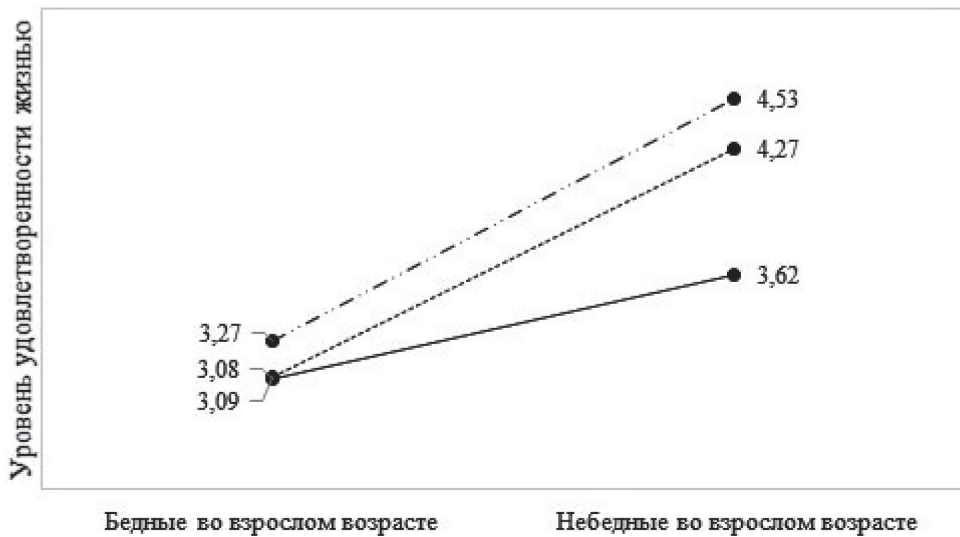
Результаты ANCOVA также показали значимый одномерный эффект взросло-

го СЭС на самооценку, детского СЭС — на самооффективность, возраста — на



—●— Бедные в детстве - - - ● - - - Средний уровень достатка в детстве - · - ● - Богатые в детстве

Рис. 1. Взрослая и детская бедность (СЭС): интеракция на уровень доверия



—●— Бедные в детстве - - - ● - - - Средний уровень достатка в детстве - · - ● - Богатые в детстве

Рис. 2. Взрослая и детская бедность (СЭС): интеракция на удовлетворенность жизнью

удовлетворенность жизнью ($F=12.45$ (1, 342), $p<.001$, $\eta^2=.04$). Парное сравнение с использованием коррекции Бонферрони показало, что группа лиц со средними доходами в детстве значимо не отличалась по показателям самооценки от бедных и богатых групп (табл. 3). Средние баллы по самооценке были значимо ниже в группе бедных участников, а средние баллы по самооценке — в группе тех, кто испытал бедность в детстве, по сравнению с теми, кто в детстве был богат (табл. 4).

Результаты MANCOVA выявили значимый многомерный эффект взрослого СЭС (Уилкс $\Lambda=0,69$, $F=25,69$ (6,337), $p<0,001$, $\eta^2=0,31$) и возраста (Уилкс $\Lambda=0,85$, $F=9,86$ (6, 337), $p<0,001$, $\eta^2=0,15$). Эффекты пола, детского статуса и взаимодействия между взрослым и детским статусом были не значимыми. Последу-

ющий анализ (ANCOVA) показал значимый одномерный эффект взрослого статуса на ценности Открытости изменениям, Самопреодоления, а также возраста на ценности Сохранения ($F=40,60$ (1, 342), $p<0,001$, $\eta^2=.11$) и Самоутверждения ($F=4,28$ (1, 342), $p=0,399$, $\eta^2=0,01$).

Обсуждение результатов

Наше исследование сфокусировано на изучении взаимосвязи детского и взрослого социально-экономического статуса, а также их взаимодействия с такими психологическими характеристиками, как доверие, удовлетворенность жизнью, самооценка, самооценочность и индивидуальные ценности.

Взаимосвязь детского и взрослого социально-экономического статуса с удов-

Таблица 3

Одномерный эффект взрослого социально-экономического статуса на психологические характеристики

	df	F	η^2	p	Mean (SD)	
					Бедные во взрослом возрасте (a)	Небедные во взрослом возрасте (b)
Самооценка	1	95.21	.218	<.001	2.55(0.41)	3.02(0.41)
Самооценочность	1	1.02	.003	.313	2.87(0.46)	2.94(0.37)

Примечание. Чтобы уменьшить вероятность ошибки 1 типа, использовалась коррекция Бонферрони ($p<.05$). ^a N=162. ^b N=188.

Таблица 4

Одномерный эффект детского социально-экономического статуса на психологические характеристики

	df	F	η^2	p	Mean (SD)		
					Бедные в детстве (a)	Средний уровень достатка в детстве (b)	Богатые в детстве (c)
Самооценка	2	0.88	.005	.417	2.76(0.42)	2.78(0.37)	2.88(0.48)
Самооценочность	2	4.69	.027	.010	2.79(0.41) c	2.92(0.39)	2.99(0.44) a

Примечание. Чтобы уменьшить вероятность ошибки 1 типа, использовалась коррекция Бонферрони ($p<.05$). ^a N=92. ^b N=164. ^c N=94

летворенностью жизнью. Выявлено, что взрослый социально-экономический статус связан с удовлетворенностью жизнью, независимо от уровня благосостояния семьи, в которой индивид провел детство. Однако социально-экономический статус в детстве значимо связан с удовлетворенностью жизнью только в группе небедных людей. Средний уровень удовлетворенности жизнью у тех, кто охарактеризовал свое детство бедным, но в последующие годы избежал бедности, был значительно ниже, чем в группах тех, кто не испытывал бедности на протяжении всей своей жизни. Удовлетворенность жизнью у тех, кто имел низкий социально-экономический статус в детстве, ниже, чем у тех, кто не испытывал бедность никогда. Предшествующие исследования психологического благополучия демонстрируют, что изменение уровня благосостояния, например, заметное понижение или повышение дохода, оказывает существенное влияние на психологическое благополучие личности, но лишь на короткий промежуток времени, по прошествии которого субъективное благополучие возвращается на прежний уровень [25]. Как упоминалось ранее, субъективное благополучие тесно связано с эмоциональным опытом и эмоциональной саморегуляцией и, вероятно, обусловлено воздействием физических и психосоциальных стрессоров, связанных с детской бедностью [30; 34]. Полученные значимые различия в удовлетворенности жизнью у тех, кто по ретроспективной оценке своего социально-экономического статуса в детстве имел опыт пребывания бедности, и тех, кто не испытывал бедность никогда, подтверждают наше предположение о взаимосвязи детского социально-экономического статуса в период взросления с удовлетворенностью жизнью во взрослом возрасте.

Взаимосвязь детского и взрослого социально-экономического статуса и доверия. Результаты анализа показали, что взрослый социально-экономический статус связан с доверием только у тех, кто не имел низкий социально-экономический статус в детстве, т.е. по ретроспективной оценке не был бедным в детстве. В прошлых исследованиях показано, что базовое доверие выступает одним из важнейших компонентов удовлетворенности жизнью: заметное понижение дохода оказывает существенное негативное влияние на психологическое благополучие личности [27], тем самым снижая общий уровень доверия. Предыдущие исследования демонстрируют негативные последствия снижения материального уровня жизни для представлений бедных о себе и их самоуважения [23; 25], что также влечет за собой снижение уровня психологического благополучия [20] и, как следствие, уровня доверия. Также исследование, посвященное изучению переживания бедности россиянами в период экономических реформ 90-х гг., показывает, что бедным свойственны низкий уровень диспозиционной надежды на положительные изменения в будущем, низкая вера в справедливый мир [6].

Выявлено, что уровень доверия тех, кто имел низкий социально-экономический статус в детстве (был бедным в детстве), независимо от изменения статуса во взрослом возрасте, не изменяется. Этот результат пересекается с исследованиями, подчеркивающими важность в раннем детстве условий и качества взаимодействия с ребенком в формировании привязанности и, как следствие, базового доверия [21]. Отмечается, что нарушения привязанности могут возникнуть при нарушении семейного функционирования, различных травмирующих ситуациях

[17], в числе которых — бедность. Полученный результат может лечь в основу будущих исследований, направленных на прояснение и выявление взаимосвязи социально-экономического статуса в детстве с психологическими характеристиками личности.

Взаимосвязь детского и взрослого социально-экономического статуса с индивидуальными ценностями личности. В нашем исследовании выявлено, что ценности Открытости изменениям и Самопреодоления различаются в зависимости от взрослого социально-экономического статуса. Ценности Открытости изменениям (*Самостоятельность и Стимуляция*) и Самопреодоления (*Универсализм, Благожелательность*) менее важны для индивидов с низким экономическим статусом, что подтверждается теорией потребностей А. Маслоу. Согласно данной теории, ценности, направленные на личностный рост (такие, как самоактуализация), развиваются только в том случае, когда ценности более низкого уровня, основанные на тревожности и фрустрации, уже удовлетворены [39]. Обнаруженная взаимосвязь между взрослой бедностью и ценностями Открытости изменениям и Самопреодоления согласуется также с результатами более ранних исследований, где показано, что люди с более высоким социально-экономическим статусом более самостоятельны, открыты новому, больше заботятся об окружающей среде [36]. Кроме того, исследования ценностей на уровне культуры показывают, что материалистические ценности преобладают в бедных странах, в то время как ценности постматериализма, в том числе стремление к равенству и терпимость по отношению к другим людям и группам, более распространены в экономически развитых странах [35].

Нами не была обнаружена взаимосвязь социально-экономического статуса в детстве с индивидуальными ценностями. Возможно, это связано с тем, что детский статус и индивидуальные ценности являются категориями разного порядка, и данный дизайн исследования не позволяет проследить взаимосвязь.

Взаимосвязь детского и взрослого социально-экономического статуса с самооценкой. Анализ полученных результатов позволил выявить связь взрослого социально-экономического статуса с самооценкой. Средние баллы по самооценке ниже в группе бедных участников, что подтверждается рядом прошлых исследований. Ввиду того, что самооценка является одним из аспектов субъективного благополучия, которое ниже у людей с низким доходом [23; 25], вполне закономерно, что уровень самооценки значительно ниже в группе бедных. Имеющиеся в обществе негативные установки по отношению к бедным и их социальная эксклюзия негативно сказываются на представлениях бедных о себе и их самоуважении. Низкий уровень самоуважения также обнаружен в группе бедных в исследовании К. Муздыбаева, где изучалось переживание россиянами бедности [6].

Взаимосвязь детского и взрослого социально-экономического статуса с самоофективностью. В рамках проведенного исследования найдена положительная взаимосвязь между экономическим статусом в детстве и самоофективностью. Показатели по самоофективности были значительно ниже в группе тех, кто имел низкий социально-экономический статус в детстве, по сравнению с теми, кто провел детство в обеспеченной семье. Сделанный нами вывод о негативных последствиях детской бедности для формирования убеждений относительно своей

эффективности подтверждается положениями теории самоэффективности: положительный опыт — один из ключевых факторов формирования самоэффективности [19; 47].

Выводы

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Обнаружены различия между группами бедных и небедных в уровне самооценки, самоэффективности и индивидуальных ценностях в зависимости от взрослого и детского социально-экономического статуса. Детский статус связан с таким психологическим измерением, как самоэффективность. Показатели самооэффективности значительно ниже в группе тех, кто имел низкий социально-экономический статус (по ретроспективной оценке, испытывал бедность в детстве), по сравнению с теми, кто провел детство в обеспеченной семье. Выявлена взаимосвязь изменения статуса с удовлетворенностью жизнью и доверием: удовлетворенность жизнью у тех, кто испытал бедность в детстве, но в последние годы избежал бедности, значительно ниже, чем в группах тех, кто не испытывал бедности на протяжении всей своей жизни. Взрослая бедность связана с уровнем доверия только у тех, кто не испытывал бедности в детстве (т.е. представителей группы со средним уровнем благосостояния в детстве). В этой группе участников средний уровень доверия был значительно ниже у тех, кто стал бедным во взрослом возрасте. В то же время обнаружено, что у тех, кто был бедным в детском возрасте, независимо от того, изменился или нет

их экономический статус, уровень доверия не отличается.

Выявлена взаимосвязь взрослого социально-экономического статуса с индивидуальными ценностями. Группы бедных и небедных людей значимо отличаются по выраженности ценностей Открытости изменениям и Самопреодоления, которая оказалась значительно ниже в группе бедных участников. Нами не была обнаружена связь детского социально-экономического статуса с индивидуальными ценностями.

Таким образом, в рамках данной поисковой работы был расширен анализ феномена взрослого и детского социально-экономического статуса в контексте его взаимосвязи с различными психологическими характеристиками личности. Однако ограничением данного исследования является ретроспективный способ измерения детского социально-экономического статуса. На ретроспективную оценку своего детского статуса может оказывать влияние ряд таких побочных факторов, как погрешности припоминания, изменение отношения к событиям прошлого, например, вследствие своего текущего социально-экономического статуса. В то же время прошлые исследования подтвердили тесную связь между ретроспективным детским социально-экономическим статусом и фактическим детским социально-экономическим статусом [24; 31], что подтверждает обоснованность полученных результатов. Необходимы дальнейшие лонгитюдные исследования, которые будут способствовать расширению знаний о роли детской бедности, фактических, а также психосоциальных условий проживания в детстве в формировании психологических особенностей личности, жизненных стратегий, моделей поведения.

Финансирование

Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Благодарности

Авторы благодарят за помощь в реализации исследования Сегера Брейгельманса (Университет Тилбурга).

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // Социологические исследования. 2004. №. 3. С. 16–21.
2. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Конструирование социальных проблем в СМИ и в представлениях граждан (на примере бедности) [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2015. №. 39 (8). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1085-emelyanova39.html> (дата обращения: 20.05.2019).
3. Мареева С.В. О ценностных установках и особенностях морали бедных // Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихонова. М.: Весь мир, 2014. С. 171–190. 320 с.
4. Мареева С.В., Тихонова Н.Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. № 25 (4). С. 37–67.
5. Митрофанова С.Ю. Детская бедность: социологические теории детства как основа исследования проблемы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2010. № 1 (75). С. 32–37.
6. Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегия совладания и индикаторы депривации // Социологический журнал. 2001. №. 1. С. 5–32.
7. Овчарова Л. Н. Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей [Электронный ресурс] // Совместный доклад Независимого института социальной политики и Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ). 2011. С. 1–38. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/zswq512tsm/direct/120052552> (дата обращения: 10.07.2019).
8. Полуэктова О.В., Ефремова М.В. Адаптация инструментария социально-психологического исследования на выборке людей, пребывающих в бедности // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 179–203. doi:10.17759/sps.2018090212
9. Российский статистический ежегодник — 2016 [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm (дата обращения: 12.07.2019).
10. Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. Где пролегает «черта бедности» в современной России? // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 104–127.
11. Слободенюк, Е.Д. Особенности и структура социальной группы бедных в современной России // Terra Economicus. 2014. № 12 (4). С. 114–129.

12. Тихонова Н.Е. Гетерогенность бедности в современной России // Бедность и бедные в современной России / Под ред. Н.Е. Тихоновой, М.К. Горшкова. М.: Весь мир, 2014. 320 с.
13. Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 7–19.
14. Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 24–35.
15. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. Том 4. № 1. С. 106–127.
16. Шварцер Р., Ерусалем, М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–77.
17. Ainsworth M.D. S. Attachment: Retrospect and prospect // The place of attachment in human behavior / In Parkes C.M., Stevenson-Hinde J. (eds.). New York: Basic books, 1982. P. 3–30.
18. Bandura A. Perceived Self-Efficacy in Cognitive Development and Functioning // Educational Psychologist. 1993. Vol. 28(2). P. 117–148. doi: 10.1207/s15326985ep2802_3
19. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G., Pastorelli C. Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning // Child Development. 1996. Vol. 67 (3). P. 1206–1222. doi: 10.2307/1131888
20. Baumeister R. Rethinking Self-Esteem: Why Nonprofits Should Stop Pushing Self-Esteem and Start Endorsing Self-Control // Stanford Social Innovation Review. 2005. Vol. 3 (4). P. 34–41.
21. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol.1: Attachment. Basic Books, 1969. 312 p.
22. Brooks-Gunn J., Duncan G.J. The effects of poverty on children // The future of children. 1997. Vol. 7 (2). P. 55–71. doi: 10.2307/1602387
23. Clark A.E., Oswald A.J. Satisfaction and Comparison Income // Journal of public Economics. 1996. Vol. 61. P. 359–381. doi: 10.1016/0047-2727(95)01564-7
24. Cohen S., Janicki-Deverts, D., Chen E., Matthews K.A. Childhood socioeconomic status and adult health // Annals of the New York Academy of Sciences. 2010. №. 1186 (1). P. 37–55. doi: 10.1111/j.1749-6632.2009.05334
25. Diener E., Oishi S., Lucas R. Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life // Annual Review of Psychology. 2003. Vol. 54 (1). P. 403–425.
26. Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The satisfaction with life scale // Journal of Personality Assessment. 1985. Vol. 49 (1). P. 71–75.
27. Diener E., Ryan K. Subjective well-being: A general overview // South African Journal of Psychology. 2009. Vol. 39 (4). P. 391–406. doi: 10.1177/008124630903900402
28. Duncan G.J., Yeung W.J., Brooks-Gunn J., Smith J.R. How much does childhood poverty affect the life chances of children? // American sociological review. 1998. Vol. 63 (3). P. 406–423.
29. Evans G.W. The environment of childhood poverty // American Psychologist. 2004. Vol. 59 (2). P. 77–92.
30. Evans G.W., Kim P. Childhood poverty, chronic stress, self-regulation, and coping // Child Development Perspectives. 2013. Vol. 7 (1). P. 43–48.

31. *Griskevicius V., Ackerman J.A., Cantu S.M., Delton A.W., Robertson T.E., Simpson J.A., Tybur J.M.* When the economy falters, do people spend or save? Responses to resource scarcity depend on childhood environment // *Psychological Science*. 2013. Vol. 24. P. 197–205. doi: 10.1177/0956797612451471
32. *Hamamura T.* Are cultures becoming individualistic? A cross-temporal comparison of individualism–collectivism in the United States and Japan // *Personality and Social Psychology Review*. 2012. Vol. 16 (1). P. 3–24.
33. *Haushofer J., Fehr E.* On the psychology of poverty // *Science*. 2014. Vol. 344(6186). P. 862–867. doi:10.1126/science.1232491
34. *Hofmann W., Schmeichel B.J., Baddeley A.D.* Executive functions and self-regulation // *Trends in cognitive sciences*. 2012. Vol. 16 (3). P. 174–180. doi: 10.1016/j.tics.2012.01.006
35. *Inglehart R.* *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. New Jersey: Princeton University Press, 1997. 464 p.
36. *Kohn M.L., Schooler C.* Job conditions and personality: A longitudinal assessment of their reciprocal effects // *American Journal of Sociology*. 1982. Vol. 87. P. 1257–1286. doi:10.1086/227593
37. *Leary M.R., Tambor E.S., Terdal S.K., Downs D.L.* Self-esteem as an interpersonal monitor: The sociometer hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 68. P. 518–530. doi: 10.1037/0022-3514.68.3.518
38. *Mani A., Mullainathan S., Shafir E., Zhao J.* Poverty Impedes Cognitive Function // *Science*. 2013. Vol. 341. P. 976–980. doi: 10.1126/science.1238041
39. *Maslow A.* *Motivation and personality*. 3rd ed. New York: Harper and Row, 1987. 293 p.
40. *Pepper G.V., Nettle D.* The behavioural constellation of deprivation: causes and consequences // *Behavioral and Brain Sciences*. 2017. P. 1–72. doi: 10.1017/S0140525X1600234X
41. *Poluektova O., Efremova M., Breugelmanns S.* Poverty and psychology // Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP. 2015. Vol. 49. doi: 10.2139/ssrn.2699103
42. *Rokeach M.* *The nature of human values*. New York: Free Press, 1973. 438 p.
43. *Rosenberg M.* Rosenberg self-esteem scale (RSE). Acceptance and commitment therapy. Measures package. 1965. Vol. 61. 52 p.
44. *Rosenberg M.* Misanthropy and Political Ideology // *American Sociological Review*. 1956. Vol. 21. P. 690–695.
45. *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1992. Vol. 25. P. 1–65. doi: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
46. *Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M.* Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103 (4). P. 663–688. doi:10.1037/a0029393
47. *Townsend P.* Meaning of Poverty. *The British Journal of Sociology*. 2010. Vol. 61. P. 85–102. doi:10.2307/587266
48. *Uslaner E.M.* *The moral foundations of trust*. New York: Cambridge University Press, 2002. 298 p.
49. *Yamagishi T., Yamagishi M.* Trust and commitment in the United States and Japan // *Motivation and Emotion*. 1994. Vol. 18 (2). P. 129–166.

The relationship of adult and childhood poverty with the individual psychological characteristics

M. V. EFREMOVA*,
NRU HSE, Moscow, Russia,
mefremova@hse.ru

O. V. POLUEKTOVA**,
Jacobs University, Bremen, Germany,
olga_poluektova@hotmail.com

In this paper examines the effects of low socioeconomic status in adulthood and in childhood on psychological characteristics, such as individual values, self-efficacy, self-esteem, psychological well-being and trust. The sample included people with low socio-economic status (namely poor) (N=162) and non-poor (N=188). Measurement of children's socio-economic status was carried out by retrospective assessment. The results showed that values and self-esteem differ depending on the adult SES. The results revealed the significant effect of adult and childhood SES for trust and life satisfaction. The analysis revealed that adult status had a significant impact on trust only in the groups of those who did not experience poverty in childhood, i.e. the group with average levels of wealth in childhood, and the wealthy group. In conclusion, our study revealed the impact of childhood and adult SES on various individual psychological characteristics.

Keywords: SES, environmental factors, child poverty, adult poverty, self-efficacy, self-esteem, life satisfaction, trust.

Funding

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program and funded by the Russian Academic Excellence Project '5-100'.

Acknowledgements

The authors are grateful for assistance in study implementation to Seger Breugelmans (Tilburg University).

REFERENCES

1. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. Bogatstvo i bednost' v predstavleniyakh rossiyan [Wealth and poverty in the views of Russians]. *Sotsiologicheskije issledovaniya* [Sociological studies], 2004, no. 3, pp. 16–21. (In Russ.)

For citation:

Efremova M.V., Poluektova O.V. The relationship of adult and childhood poverty with the individual psychological characteristics. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2019. Vol. 10. no. 3, pp. 118–136. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100308

* Efremova Maria V. — PhD in Psychology, Senior Research Fellow, International laboratory for sociocultural research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, mefremova@hse.ru

** Poluektova Olga V. — PhD Student, Bremen International Graduate School of Social Sciences, Jacobs University, Bremen, Germany, olga_poluektova@hotmail.com

2. Emel'yanova T.P., Drobysheva T.V. Konstruirovaniye sotsial'nykh problem v SMI i v predstavleniyakh grazhdan (na primere bednosti) [Elektronnyi resurs] [Construction of social problems in the media and in the perceptions of citizens (in case of poverty)]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Psychological research: electronic scientific journal], 2015, no. 39(8). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1085-emelyanova39.html> (Accessed 20.05.2019).
3. Mareeva S.V. O tsennostnykh ustanovkakh i osobennostyakh morali bednykh [About value attitudes and peculiarities of the morality of the poor]. In Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (ed.) *Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii* [Poverty and the poor in modern Russia]. Moscow: Ves' mir, 2014, pp. 171–190.
4. Mareeva S.V., Tikhonova N.E. Bednost' i sotsial'nye neravenstva v Rossii v obshchestvennom soznanii [Poverty and social inequalities in Russia in the public consciousness]. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya* [World of Russia: Sociology, Ethnology], 2016, no. 25 (4), pp. 37–67.
5. Mitrofanova S.U. Detskaya bednost': sotsiologicheskie teorii detstva kak osnova issledovaniya problemy [Childhood poverty: sociological theories of childhood as the basis for researching the problem]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology], 2010, no. 1(75), pp. 32–37.
6. Muzdybaev K. Perezhivaniye bednosti kak sotsial'noi neudachi: atributsiya otvetstvennosti, strategiya sovladaniya i indikatory deprivatsii [The experience of poverty as a social failure: responsibility attribution, coping strategies and indicators of deprivation]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Journal of Sociology], 2001, no. 1, pp. 5–32.
7. Ovcharova L.N. Analiz polozheniya detei v Rossiiskoi Federatsii: na puti k obshchestvu ravnnykh vozmozhnostei [Elektronnyi resurs] [Analysis of the situation of children in the Russian Federation: towards an equal opportunity society]. Sovmestnyi doklad Nezavisimogo instituta sotsial'noi politiki i Detskogo fonda OON (YuNISEF) [Joint Report of the Independent Institute for Social Policy and the United Nations Children's Fund (UNICEF)], 2011, pp. 1–38. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/zswq512tsm/direct/120052552> (Accessed 10.07.2019).
8. Poluektova O.V., Efremova M.V. Adapting a psychological instrument on the “hard-to-survey” population: the case of poor people in Russia. *Sotsial'naiya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 179–203. doi:10.17759/sps.2018090212. (In Russ., abstr. in Engl.)
9. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 2016 [Elektronnyj resurs] [Russian statistical yearbook – 2016]. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm (Accessed: 12.07.2019).
10. Slobodenyuk E.D., Anikin V.A. Gde prolegaet «cherta bednosti» v sovremennoi Rossii? [Where is the “poverty line” in modern Russia?]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 2018, no. 1, p. 104–127.
11. Slobodenyuk, E.D. Osobennosti i struktura sotsial'noi gruppy bednykh v sovremennoi Rossii [Features and structure of the social group of the poor in modern Russia]. *Terra Economicus*, 2014, no. 12(4), pp. 114–129.
12. Tikhonova N.E. Geterogenost' bednosti v sovremennoi Rossii [Heterogeneity of poverty in modern Russia]. In Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (ed.) *Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii* [Poverty and the poor in modern Russia]. Moscow: Ves' mir, 2014, pp. 13–37.

13. Tikhonova N.E. Fenomen bednosti v sovremennoi Rossii [The phenomenon of poverty in modern Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2014, no. 1, pp. 7–19.
14. Tikhonova N.E. Nizshii klass v sotsial'noi strukture rossiiskogo obshchestva [Lower class in the social structure of Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2011, no. 5, pp. 24–35.
15. Khashchenko V.A. Subjective economic well-being and its measurement: constructing and validating a questionnaire. *Ekspierimental'naâ psihologiâ* [Experimental Psychology (Russia)], 2011. Vol. 4, no. 1, pp. 106–127. (In Russ., abstr. in Engl.)
16. Shvarcer R. Erusalem M. Romek V. Russkaya versiya shkaly obshchei samoehffektivnosti R.S. Shvarcera i M. Erusalema [Russian version of the scale of general self-efficacy of R. Schwarzer and M. Erusalem]. *Inostrannaya psihologiya* [Foreign psychology], 1996, no. 7, pp. 71–77.
17. Ainsworth M.D.S. Attachment: Retrospect and prospect. In Parkes C.M., Stevenson-Hinde J. (eds.). *The place of attachment in human behavior*. New York: Basic books, 1982, pp. 3–30.
18. Bandura A. Perceived Self-Efficacy in Cognitive Development and Functioning. *Educational Psychologist*, 1993. Vol. 28 (2), pp. 117–148. doi: 10.1207/s15326985ep2802_3
19. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G., Pastorelli C. Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning. *Child Development*, 1996. Vol. 67 (3), pp. 1206–1222. doi: 10.2307/1131888
20. Baumeister R. Rethinking Self-Esteem: Why Nonprofits Should Stop Pushing Self-Esteem and Start Endorsing Self-Control. *Stanford Social Innovation Review*, 2005. Vol. 3 (4), pp. 34–41.
21. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol.1: Attachment. Basic Books, 1969. 312 p.
22. Brooks-Gunn J., Duncan G.J. The effects of poverty on children. *The future of children*, 1997. Vol. 7 (2), pp. 55–71. doi: 10.2307/1602387
23. Clark A.E., Oswald A.J. Satisfaction and Comparison Income. *Journal of public Economics*, 1996. Vol. 61, pp. 359–381. doi: 10.1016/0047-2727(95)01564-7
24. Cohen S., Janicki-Deverts, D., Chen E., Matthews K.A. Childhood socioeconomic status and adult health. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 2010, no. 1186 (1), pp. 37–55. doi: 10.1111/j.1749-6632.2009.05334
25. Diener E., Oishi S., Lucas R. Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life. *Annual Review of Psychology*, 2003. Vol. 54 (1), pp. 403–425.
26. Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 1985. Vol. 49 (1), pp. 71–75.
27. Diener E., Ryan K. Subjective well-being: A general overview. *South African Journal of Psychology*, 2009. Vol. 39(4), pp. 391–406. doi: 10.1177/008124630903900402
28. Duncan G.J., Yeung W.J., Brooks-Gunn J., Smith J.R. How much does childhood poverty affect the life chances of children? *American sociological review*, 1998. Vol. 63(3), pp. 406–423.
29. Evans G.W. The environment of childhood poverty. *American Psychologist*, 2004. Vol. 59 (2), pp. 77–92.
30. Evans G.W., Kim P. Childhood poverty, chronic stress, self-regulation, and coping. *Child Development Perspectives*, 2013. Vol. 7 (1), pp. 43–48.
31. Griskevicius V., Ackerman J.A., Cantu S.M., Delton A.W., Robertson T.E., Simpson J.A., Tybur J.M. When the economy falters, do people spend or save? Responses

- to resource scarcity depend on childhood environment. *Psychological Science*, 2013. Vol. 24, pp. 197–205. doi: 10.1177/0956797612451471
32. Hamamura T. Are cultures becoming individualistic? A cross-temporal comparison of individualism–collectivism in the United States and Japan. *Personality and Social Psychology Review*, 2012. Vol. 16 (1), pp. 3–24.
33. Haushofer J., Fehr E. On the psychology of poverty. *Science*, 2014. Vol. 344 (6186), pp. 862–867. doi:10.1126/science.1232491
34. Hofmann W., Schmeichel B.J., Baddeley A.D. Executive functions and self-regulation. *Trends in cognitive sciences*, 2012. Vol. 16 (3), pp. 174–180. doi:10.1016/j.tics.2012.01.006
35. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. New Jersey: Princeton University Press, 1997. 464 p.
36. Kohn M.L., Schooler C. Job conditions and personality: A longitudinal assessment of their reciprocal effects. *American Journal of Sociology*, 1982. Vol. 87, pp. 1257–1286. doi:10.1086/227593
37. Leary M.R., Tambor E.S., Terdal S.K., Downs D.L. Self-esteem as an interpersonal monitor: The sociometer hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995. Vol. 68, pp. 518–530. doi: 10.1037/0022-3514.68.3.518
38. Mani A., Mullainathan S., Shafir E., Zhao J. Poverty Impedes Cognitive Function. *Science*, 2013. Vol. 341, pp. 976 – 980. doi: 10.1126/science.1238041
39. Maslow A. *Motivation and personality*. 3rd ed. New York: Harper and Row, 1987. 293 p.
40. Pepper G.V., Nettle D. The behavioural constellation of deprivation: causes and consequences. *Behavioral and Brain Sciences*, 2017, pp. 1–72. doi:10.1017/S0140525X1600234X
41. Poluektova O., Efremova M., Breugelmanns S. Poverty and psychology. *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP*, 2015. Vol. 49. doi:10.2139/ssrn.2699103
42. Rokeach M. *The nature of human values*. New York: Free Press, 1973. 438 p.
43. Rosenberg M. Rosenberg self-esteem scale (RSE). Acceptance and commitment therapy. Measures package, 1965. Vol. 61. 52 p.
44. Rosenberg M. Misanthropy and Political Ideology. *American Sociological Review*, 1956. Vol. 21, pp. 690–695.
45. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1992. Vol. 25, pp. 1–65. doi: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
46. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012. Vol. 103 (4), pp. 663–688. doi:10.1037/a0029393
47. Townsend P. Meaning of Poverty. *The British Journal of Sociology*, 2010. Vol. 61, pp. 85–102. doi:10.2307/587266
48. Uslaner E.M. *The moral foundations of trust*. New York: Cambridge University Press, 2002. 298 p.
49. Yamagishi T., Yamagishi M. Trust and commitment in the United States and Japan. *Motivation and Emotion*, 1994. Vol. 18 (2), pp. 129–166.